

Взятый Русского Собрания
НАЗВ. ГАЗЕТЫ
МѢСТО ВЫХОДА
ДАТА И №

С.-Петербургъ, 22-ое Февраля 1910 г.

Вдумчиво слѣдя за умственнымъ теченіемъ мысли нашего интеллигентнаго міра, мы къ глубокому своему прискорбію, замѣчаемъ, два все болѣе развивающіяся отрицательныя явленія. Струи «подстрекательства» и «душевной ненормальности» все яснѣе и яснѣе опредѣляются на общемъ фонѣ туманной атмосферы нашей повседневной жизни. На почвѣ еврейско-масонскаго развращенія и извращенія нравовъ, поддерживаемаго съ особенной энергіей инородцами, вслѣдъ за подстрекательствомъ, является душевная ненормальность, охватывающая все большее и большее число лицъ и начинающая принимать видъ душевной эпидеміи (*morale contagion*).

Не однѣ только тѣлесныя болѣзни, говоритъ В. Кандинскій, способны къ эпидемическому распространенію, болѣзни души, психическія разстройства также нерѣдко принимаютъ эпидемическій характеръ. Исторія человѣчества, исторія обществъ представляетъ намъ длинный—можно сказать—непрерывный рядъ примѣровъ, въ которыхъ извѣстныя побужденія и стремленія, извѣстныя чувства и идеи охватываютъ сразу массу людей и обуславливаютъ, независимо отъ воли отдѣльных индивидуумовъ, тотъ или другой рядъ одинаковыхъ дѣйствій. При этомъ двигающая идея, сама по себѣ, можетъ быть высокою или нелѣпою, чувство и стремленіе могутъ не выходить изъ границъ фیزیологическихъ, но могутъ быть также необычайными и аномальными, совершенно измѣняющими прежній нравственный и умственный характеръ людей. Подобно контагію оспы или сыпного тифа, душевная зараза отъ одного человѣка передается къ другому, къ третьему, воспроизводится адѣсь и изъ этихъ вторичныхъ фокусовъ зараженія распространяется съ новою силою далѣе, захватывая все большую и большую массу людей, до тѣхъ поръ, пока будетъ находить благоприятную для себя почву. Оспа и чума уносили прежде тысячи и десятки тысячъ жертвъ и опустошали цѣлыя страны. Душевные эпидеміи не менѣе губительны. Проходитъ время повальнаго душевнаго разстройства, время коллективнаго увлеченія или страсти,—и вернувшіеся къ разсудку люди обыкновенно

сами не могутъ понять своихъ прошлыхъ ошибокъ.

Всѣ эти мысли намъ пришли въ голову по поводу жизни и похоронъ В. О. Коммиссаржевской. Вся ея жизнь послѣднихъ лѣтъ является яркимъ выраженіемъ того, какъ еврейско-инородческое подстрекательство извращаетъ взглядъ на жизнь и искусство, расшатываетъ внутренній міръ человѣка и, въ концѣ концовъ, губитъ его и физически. В. О. Коммиссаржевская обладала несомнѣнно крупнымъ сценическимъ дарованіемъ и по натурѣ своей была глубоко интересна. Когда она впервые выступила на почвѣ положительнаго искусства, она сразу завоевала себѣ чрезвычайныя симпатіи общества. Идя по этому пути далѣе, она несомнѣнно дала бы намъ глубоко прочувствованныя и продуманныя роли, и въ исторіи театра ея имя было бы занесено на ряду съ первыми представителями драматическаго искусства. Но начались вѣянія подстрекательскаго движенія а затѣмъ, и самое движеніе,—началась гнусно-развратная «переоцѣнка цѣнностей» и въ общей гибели литературы музыки, театра и искусства погибъ и талантъ Коммиссаржевской. Подстрекательное движеніе перевело ее въ область «декадентства и настроенія» и ея крупное сценическое дарованіе облачилось въ шутовской нарядъ, подъ флагомъ «исканія новыхъ путей въ искусствѣ». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что отъ этого превращенія она много страдала и съ чувствомъ полной неудовлетворенности сошла въ могилу...

Ну хотя бы теперь оставили бы гг. подстрекатели и душевно больные въ покоѣ мертвое тѣло ея. Такъ нѣтъ-же. Теперь вакханалія развивается еще съ болѣею силой. Гг. подстрекатели умышленно прислали въ газеты изъ Саратова *завѣдомо ложную* телеграмму, что будто бы епископъ Гермогенъ запретилъ панихиды по Коммиссаржевской. Учинивъ такую подстрекательную выходку, они, конечно, взбаломутили всѣхъ душевно-больныхъ и подняли на ноги всю молодежь. Первымъ проявленіемъ дѣйствій душевно-больныхъ явилась *гражданская панихида* въ г. Москвѣ. При этой якобы панихидѣ были соблюдены всѣ детали «декадентства и настроенія». Душевно-больные собрались въ какой-то залѣ, задралировали этотъ залъ чернымъ сукномъ, устроили совер-

шеннѣйшій мракъ, а въ другомъ залѣ поставили хоръ пѣвчихъ. При такой обстановкѣ, всѣ собравшіеся нѣкоторое время продремали и на этомъ окончилась ихъ панихида...

Вы чувствуете, что имѣете дѣло несомнѣнно съ душевно-больными, подстрекаемыми евреями и разнаго рода инородцами.

Французская газета «le Chrétien» напечатала подъ заглавіемъ «la prière de Tolstoi» молитву гр. Л. Н. Толстого, составляющую перефразъ молитвы «Отче нашъ». Когда вы читаете это переложеніе, то сразу чувствуете, что вы имѣете дѣло съ ненормальной психикой человѣка. Вмѣсто, напримѣръ, словъ, «Да будетъ воля Твоя, какъ на земли—такъ и на небеси!», онъ пишетъ «Твоя воля, но не моя». Казалось бы, что для человѣка, не потерявшаго свѣжести разсудка, и такъ ясно, что если онъ говоритъ: «да будетъ воля Твоя», то слова «но не моя» уже сами собою подразумеваются. Такъ нѣтъ-же, нужно прибавить и выдать молитву «Отче нашъ» за свою.

Съ одной стороны гражданскія панихиды съ чернымъ сукномъ, мракомъ и отдаленнымъ пѣніемъ, съ другой и передѣлка словъ «воля Твоя, но не моя» и въ третьихъ и вѣчно движущіяся и бѣгущія фигуры подстрекателей евреевъ и инородцевъ все это составляетъ мрачную картину нашей жизни. Пора, давно пора, взяться за патологическое леченіе нашего государственнаго организма.